

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА С ЯЗЫКА ОРИГИНАЛА

Лалла жила в Кашмире в XIV веке, когда объединялись различные направления вероучений: шиваизм, суфизм, ведический не-дуализм и другие -измы. Но Лалла – за пределами религиозных категорий, она их живое слияние, которое нельзя описать в подобных терминах.

Иногда она обращается к единой реальности как к Шиве. Иногда – это «Шива и Шакти, творящие любовь в жасминовом саду», иногда – Шакти, женский

творческий аспект Шивы. В одних случаях она называет неопределимое присутствие «Ты», «Это», в других – «мой Господь», а временами – «Верховный Закон». В одном месте она использует слово «грязь», и здесь, конечно, присутствует игра слов, поскольку на санскрите «ты» и «я», произнесенные вместе, звучат так же, как «грязь». И Лалла всегда прославляет растворение сути человека (self) в Абсолюте. Она живет между «Я есмь» и «Это» – частями известной фразы из Упанишад «*Tat Tvam Asi*¹» – в состоянии, которое не описать словами, в состоянии, где «некое нечто движется подобно сну по исчезающей дороге».

В этих стихах есть ссылки на йогу, суфийские и шиваитские термины. Но глубочайшую, самую неизменную истину Лалла разделяет со всеми великими мистиками: «Нет реальности, кроме

¹ «Ты есть это». – Здесь и далее примеч. пер.

Бога», внутри и снаружи «только Бог». Осознание этого – суть поклонения. Для Лаллы не существует разницы между индивидуальной и вселенской сутью, и постижение этого – цель человеческой жизни. Названия отдельных элементов – душа, Бог, просветление – не имеют значения. Неизменный (Шива) и постоянно творящая (Шакти) соединены в дыхании. Выдох *sah* и вдох *ham* составляют единое постижение «Я есть Это» (*sah-ham*), которое растворяет двойственность.

Лалла редко обращалась к писаниям. Слова о пути – не есть сам путь. Действия, сострадание и умеренность, способность прислушиваться к внутреннему разуму приносят то, что нужно. Экстаз – лишь одно из ее настроений, и не самое первостепенное. Другое ее настроение – отвращение к политике, выражаемое в пророческом стиле пастушек-гопи: «Приходит столь исковерканное время...». Встречаются также и острое, как нож, внимание к особенностям поведения: «Ешь лишь столько, чтобы утолить муки голода», и блестящие высказывания: «Куда бы ни посмотрела я, я вижу свою суть». Равновесие «да» и «нет» в ее стихах необыкновенно изящно. Наряду со своим переменчивым настроением Лалла обладает качествами, которые кажутся мне чисто женскими: прочная связь с дыханием, ощущение растворения в любовных играх в жасминовом саду, акцент на истине, которая очень подвижна и может включать в себя и сомнения, и потерянность. В ее стихах просматриваются явно женственные образы. Вступление на путь храбрости изображается в виде ребенка, который беспокойно ведет себя у материнской груди, а затем находит сосок! А другая картина смиренной жизни показывает «того, кто занят домашними делами, свободный от любых деяний». И все же самая проникновенная ее концепция находит-

ся за пределами мыслеформ. Там Лалла уже не видит везде и повсюду образ Возлюбленного. Она становится пустотой, «ничем, льющимся в Ничто».

Лалла более всего была известна тем, что бродяжничала и танцевала обнаженной, распевая свои песни. Примкнув к экстатическому направлению хасидов и суфиев, она соединилась с чистой радостью бытия и настолько растворилась в этом, что нагая форма «Лаллы», к которой часто обращалась поэтесса, казалась достаточным одеянием. Ее сознание наблюдает тело, но не отождествляется с ним.

О Лалле известно очень немного – лишь то, что можно почерпнуть из самих стихов. Первые документальные упоминания о ней появляются лишь спустя четыреста лет после ее смерти, а современных ей записей не сохранилось. Истории ее жизни и сочиненные ею стихи передавались из уст в уста. «Лалла» означает «любимая», и ее без сомнения любят в Кашмире. Говорят, что на диалекте *кашмири* лишь два слова обладают смыслом: «Аллах» и «Лалла», а все остальное – просто язык. Сотни строк из собрания «Лалла-Вахьяна» до сих пор являются активными компонентами разговорного *кашмири*. Речь Лаллы проста, она ориентирована не на философию или организованное вероучение, а на обычных людей. Текст дошел до нас во многих вариациях, некоторые из них – на старом кашмирском диалекте, а некоторые – на санскрите. Похоже, сохранилось от ста до двухсот песен, стихов и высказываний. «Лалла-Вахьяна» означает *Слова Лаллы*.

Ее также называют Лал Дад, Лал Диди и Май Лал Дидди, и все это значит «Бабуля Лал», «Бабушка Лала». А на санскрите к ней обращаются Лаллашвари, Лала – великая йогини, прорицательница, практикующая йогу. Стихи являют эту двойную природу: с одной стороны, ее взгляд теплый, бабушкин. С другой – более строгий,

Панцуй, Лала, одетая лишь
В воздух. Пой, Лала,
Облекшись в небо.
Взгляни на этот сияющий день!
Какие еще одежды
Могли бы быть прекраснее или
Божественнее?

В начале я была цветком хлопка
На открытом воздухе.
Затем меня принесли в комнату
И там вымыли. А после – тяжелые удары
Жены чесальщика. Затем другая женщина
Плела тонкие нити, намотав меня
На свое веретено. Потом – пинки ткацкого станка
Соткали ткань. И на стиральной доске прачки
Замачивали меня и отжимали
В полное свое удовольствие,
Отбеливали меня
И землей и костью,
И вычистили меня так,
Что я сама изумилась.
Потом ножницы портного
Кромсали меня – кусок за куском,
И вот он аккуратно окончил работу.

Теперь, наконец-то, будучи одеждой,
Я нашла Тебя и свободу.
Подобная жизнь так трудна,
Пока не возьмешься за Твою руку.

Какую бы работу я ни сделала,
Какую бы мысль ни подумала,
Все это – восхваления моим телом
И восхваления,
Скрытые в моей голове.

Вэтом состоянии нет Шивы,
Нет никакого святого единения.
Лишь какое-то нечто движется,
Словно во сне,
По медленно исчезающей дороге.

Ослабь груз благоденствия, который я несу.
Узел ремня врезается мне в плечо.
День этот был столь бессмыслен.
Я чувствую, что не могу больше идти.
Будучи со своим учителем, я слышала истину,
Поражавшую, словно нарыв, мое сердце.
Видеть иллюзорность того, что любишь,
Несло ласковую боль.
Стада, о которых заботилась я, исчезли.
Я пастух, у которого даже памяти нет о том,
Что это такое, и, взбираясь на эту гору,
Я чувствую себя совсем потерянной.
Таков был мой внутренний путь,
Пока не оказалась я
В присутствии Луны, этого нового знания
О воссоединении того, что подобно.
Добрый Друг, все есть *Ты*.
Я вижу лишь *Бога*.
Теперь прозрачны чарующие формы и движения.
Я смотрю сквозь них и вижу себя как *Абсолют*.

А вот и ответ
На загадку этого сна:
Ты позволил, чтобы мы двое
Станцевали *Один Танец*.

Благословен и спокоен тот,
Кто не надеется, кому желания
Не дают больше взаймы.

Нечего получать, нечем владеть.

Лишь на миг появятся цветы
На голом, почти весеннем, дереве.

Лишь на секунду – ветер
По зарослям колючих кустов.

Суть внутри сути, *Ты* не что иное, как я.
Суть внутри сути, я – всего лишь *Ты*.

То, чем мы являемся вместе –
Не умрет никогда.

Как да почему?
Какая разница.

Т*ы* – небо и земля,
Один лишь *Ты* – и день, и ночной воздух.
Ты – все, что было рождено,
Дабы существовать.

А еще *Ты* – оставленные кем-то
Подношения из цветов.

Я видела мудреца, умиравшего с голоду.

В декабре листья опадают
От легчайшего ветерка.

И я видела, как богач бьет своего повара
За мелкую оплошность со специями.

С того времени я, Лалла, жду,
Когда же оставит меня любовь к этому месту.

Когда-то, Лалла, ты была лебедем,
Поющим напевы. Теперь ты молчишь.

Кто-то, уж не знаю кто, сбежал
С тем, что принадлежало тебе.

Останавливается жернов,
И под него засыпают зерно.

Место, где происходит помол,
Закрывается и спрятано,
А сам-то мельник пропал.

Что приключилось со мною?

Все эти песни – об одном,
О Лалле на озере, о Лалле,
Не знающей, по какой песчаной косе
Носится она взад-вперед.

С чем мне повезло?

Я внесла гармонию в неуклюжую
Работу штукатуря на потолок.

И все же я гадаю,
Где сяду на мель.

И что же со мною теперь?

Это великолепно – пробуждаться
Все больше и больше!

Господин, вы что, забыли обещание,
Которое дали в утробе матери, –
Умереть до своей смерти?

Когда же вы вспомните
О своем намерении?

Не отпускайте своего осла бродить,
Где ему вздумается!
Он забредет в шафрановый сад
Вашего соседа. Подумайте, какой ущерб
Он может там причинить,
Подумайте о наказании!

Кто же тогда повезет вас, нагого,
К вашей смерти?

О забывчивый, вставай!
Рассвет, время начинать поиски.

Разверни свои крылья и поднимайся.
Дыши ровно,
Как кузнечные меха.

Присматривай за огнем,
Изменяющим форму металла.

Алхимическая работа начинается с рассветом,
Как только выйдешь, чтобы встретить Друга.

Есть озеро, такое крохотное,
Что его легко покрыло бы
Горчичное зерно, и все же из него пьет каждый.

Олень, шакал, носорог, кит – все они
Падают в него и падают, и растворяются
Почти до того, как будет у них время родиться.

В поисках Друга я утомилась
От усилий за пределами моих сил.

Я подошла к дверям и увидела –
Мощные замки закрыты.

Таким же мощным стало мое стремление,
А потом я увидела, что взираю изнутри
Присутствия.

Лишь с этим ожиданием,
Отказавшись от всех попыток,
Истекла Лалла оттуда,
Где я преклонила колени.

Твой способ познания –
Уединенный сад лекарственных трав.
Огради его живой изгородью медитаций
И самодисциплины и помощью другим.

Потом все, что сделал ты ранее,
Будет принесено в жертву
Матери-богине.

برقی که براق بود همایش / رفیق روشن تو کرد در آس

اینجا که خیال یک است برتری / دوران دو چشمی است بماند می

И с каждым днем, пока ты ешь травы,
Сад все больше оголяется и пустеет.

hереполненные соком, исходят они
Из матери,
Причиняя родовые боли.

Вновь и вновь ждут они у ее дверей, чтобы войти.
Не часто *Шива* есть среди них.
Поразмышляй об этом.

Камень пьедестала
Может прекрасно послужить и для мостовой,
Или как замечательный,
Великолепно крутящийся жернов.

Каждый из этих камней – всего лишь
Отвердевший кусок земли.
Шиву отыщешь так редко.

Солнце одинаково сияет везде.
Вода льется в каждый дом.

Правда и то, что *Шиву*
Почти невозможно отыскать.

Женщина, вскармливающая молоком ребенка,
Как жена любит тебя иной любовью,
И та же женщина
Может быть опасной для тебя,
Беседуя тайно с другими мужчинами.

Размышляй о том,
Как редко появляется *Шива*.

Если бы я могла управлять каналами своего тела,
Если бы я могла проделать точную операцию
Над самой собою,
Я бы создала вещество,
Которое было бы – осознание.

Нет ничего ценнее.
Бог не часто является как человек.

Четыре вопроса:

Кто пробужден и кто спит?
Какое озеро все время
Просачивается обратно в землю?
Что может человек предложить *Бог*у?
Чего мы хотим больше всего?

Ответы:

Ум – вот что спит,
Что распознает себя как *Бог*а –
Пробуждено.

Это вечно исчезающее озеро
Сделано из наших телесных потребностей,
Из всех этих хождений туда и сюда,
Из разговоров, из того, что мы слышали.

Единственное подношение,
Которое ты можешь сделать *Бог*у, –
Твое растущее осознание.

И самое главное желание –
Быть *Бог*ом в человеческой форме.